

ДАВИД МЕССЕР

ЗИГМУНД
ФРЕЙД

АСТ
Москва

УДК 159.9(092)(436)
ББК 88.1
М53

Эксклюзивные мемуары

Мессер Давид
М53 Зигмунд Фрейд / Давид Мессер —
Москва: АСТ, 2015. — 320с. — (Эксклюзивные
мемуары)

ISBN 978-5-17-087443-9

Перед вами одна из самых необычных биографий знаменитого ученого. Для кого-то он «дедушка», для кого-то великий ученый, для кого-то шарлатан. Практически каждый постулат фрейдовской теории был подвергнут критике со стороны видных учёных и писателей, таких как Карл Ясперс, Эрих Фромм, Альберт Эллис, Карл Краус и многих других. Видные ученые считали его теорию псевдонаучной. Да и сейчас многие думают, что она безнадежно устарела. Однако вклад, внесённый Фрейдом в создание психотерапии, не теряет своей ценности, и сделанное им ни с чем не сравнимо.

Попробуем посмотреть на жизнь великого ученого под другим углом... Глазами необычного героя, который знает о Фрейде больше, чем кто-либо другой...

УДК 159.9(092)(436)
ББК 88.1

ISBN 978-5-17-087443-9

© ООО «Издательство
АСТ», 2015

Памяти Зигмунда Фрейда посвящается

Оговорка по Фрейду

Этой истории бы не было, если в одном из телефонных разговоров мой издатель не предложил бы мне написать книгу.

«Напишите о Фрейде!» — подал идею он, зная мою профессиональную деятельность.

«О Фрейде?! — словно осенило меня. — Это моя любимая тема!» — воодушевленно заверил я ее.

«Моя любимая тема?! Вот уж оговорка по Фрейду!» — подумал я по окончанию разговора. Это может показаться странным, но на тот момент о Фрейде я не знал практически ничего. На курсе клинической психологии мы, студенты медицинского факультета, достаточно поверхностно изучили основные концепции учения Фрейда. И все мои представления о Фрейде складывались из банальных шуток о нем и факта, что он был отцом психоаналитики. Для меня этого было достаточно, чтобы при любом подходящем случае ссылаться на «дедушку Фрейда», добавляя при этом «мой любимый дедушка Фрейд». В этом, конечно, можно было найти долю внутреннего тщеславия, но основная причина была в личной, необъяснимой симпатии к Фрейду. Просто по его внешности, выдающей незаурядность его ума и трогательную сентиментальность. И даже не имея о Фрейде никаких знаний, что-то внутри подсказало, что именно о нем я бы и хотел написать книгу. В тот же день родился основной сюжет и первая глава «Странный визитер». По замыслу Зигмунд Фрейд покинул этот мир рань-

ше отведенного ему срока, поэтому он вернулся в наши дни в Лондон, чтобы получить ответы на мучившие его вопросы. Только после написания этой главы я стал собирать биографические материалы о Фрейде. Какого же было мое потрясение, когда выяснилось, что выдуманные мною события, места и имена перекликаются с реальной жизнью Фрейда: и то, что его смерть действительно была раньше срока, и то, что Лондон является не моим случайным выбором, потому что сам проживаю в нем, а последним приютом Фрейда. Даже некоторые придуманные имена, которые я дал своим персонажам, как выяснилось позже, имели своих прототипов в реальной жизни Фрейда. Коллега Фрейда — доктор (Йозеф) Поллак, Берта — настоящее имя знаменитой пациентки Фрейда Анны О, Салли — первая жена отца Фрейда, Лора созвучное Доре, имя другой пациентки Фрейда. В своей начальной исповеди мой герой доктор Поллак жалуется, что ему «44 года и у него все есть», через несколько дней мне впервые попадает на глаза откровение Фрейда, где он сетует, что ему «44 года, а он беден и нищ». Я мог бы попытаться найти подсознательные объяснения всем этим мистическим совпадениям, о которых даже не догадывался на момент написания книги. Но тот факт, что я искренен сам с собой и со своими читателями в этих «случайных» совпадениях, дает мне достаточно оснований отнестись к этим знакам с молчаливым уважением и без спекуляций.

Что же касается самой истории, то она словно сон, где реальные места и события перепле-

тены с фантазиями и вымыслами. Но вряд ли бы это смутило человека, не побоявшегося покорять человеческое сознание во всех его отражениях, человека, большую часть своей жизни прожившего в круговороте чужих тайных вожделений и мотивов. Порой мне казалось, что я не сочиняю эту историю, а лишь излагаю кем-то задуманное и предрешенное.

Может быть, поэтому она родилась на свет на одном дыхании, за достаточно скоротечный для моих способностей срок. И если поначалу меня терзали сомнения по поводу выбранного жанра и сюжетов, то по завершении книги осталось ощущение, что именно такой история и должна быть. Я несказанно благодарен судьбе за эта книгу, позволившую узнать Фрейда ближе. И очень рад, что он не разочаровал меня. Напротив, я как и герой этой истории, доктор Поллак, хочу признаться Фрейду: «Я бы гордился таким отцом, как вы, Зигмунд...»

Давид Мессер

Последний укол

Я отчетливо помню ту сентябрьскую ночь тридцать девятого года. Она остро вонзилась мне в память и не покинет меня до самого моего последнего вдоха. Накануне той ночи, поздно вечером я получил срочное сообщение от своего близкого друга Макса Шура, лечащего врача моего любимого учителя Зигмунда Фрейда, что тот просит меня прибыть к нему домой как можно

скорее. Это сообщение очень встревожило меня. Мучимый страшным предчувствием, я незамедлительно отправился в Хампстед, на Мэрсфилд Гарденс 20, где на пороге дома меня встретила Анна, младшая дочь Фрейда. По ее молчаливому взгляду я догадался, что трагедия, близости которой мы так боялись и в своих надеждах отодвигали прочь, была уже совсем рядом. Еще по едва уловимому смущению, пробежавшему по ее лицу, я понял, что ее чувства ко мне до конца не угасли. Когда-то по молодости между нами был любовный роман. Но тогда, дабы не рассориться со своим учителем, я был вынужден оказать предпочтение другой женщине. Сейчас же, не подав виду, что и мои чувства к ней оставались по-прежнему взаимными, я, сохраняя хладнокровие, устремился к человеку, которого преданно любил.

— Извините за мой вид, мой дорогой друг Эрнест! — обессиленно, но радостно поприветствовал меня Зигмунд, пытаясь подняться с кресла.

— Прошу Вас, Зигмунд, не утруждайте себя лишними движениями!

Подскочив к нему, я осторожно помог ему сесть обратно.

Он выглядел крайне изможденным и иссохшим и явно стеснялся своей зияющей раны на щеке, но, несмотря на свою беспомощность, а также нечеловеческие страдания и боль, вызванные злокачественными рецидивами, он держался с присущими ему достоинством и вежливостью. Я даже почувствовал некоторое

облегчение от того, что мои опасения увидеть его на смертном одре оказались ложными, вызванными отчаянием.

— Анна, милое мое дитя, — Зигмунд обратил свой любящий взор на стоящую рядом дочь. — Я благодарен тебе за то, что ты согласилась прекратить мое мучение.

Услышав это, Анна рухнула на колени и, не в силах сдерживать плача, прильнула губами к его свисающей кисти. Зигмунд мягко провел рукой по волосам дочери и, борясь со слезами, посмотрел на нее с безграничной любовью и нежностью. Она взглянула на отца с тоской, с которой в последний раз смотрят на близких людей, и, поняв его ласковый взгляд без слов, поднялась и вышла из комнаты.

— Что тут происходит? — испуганно запричитал я, умоляюще глядя на Макса, но тот скорбно уткнулся глазами в пол, словно о чем-то умалчивая.

— Дорогой Эрнест, я принял решение, — с торжественной печалью сообщил Зигмунд, вздернув подбородок.

— Решение?... — растерянно пробормотал я.

— Мне не победить эту болезнь... Она забрала все мои силы, изуродовав мое тело... — на какое-то мгновение он печально поник.

— Вы же знаете... — словно погрузившись в себя, задумчиво продолжил он. — Я всегда был реалистом... Возможно, будь я религиозен, как мои собратья, мне было бы легче принять это испытание...

— Вы всегда были примером мужества и стойкости!

Я попытался подбодрить его, помня о том, что этот величайший человек ни разу в жизни не пожаловался на судьбу и, даже перенеся тридцать три операции на протяжении последних шестнадцати лет, он постоянно отказывался от приема обезболивающих средств, чтобы их действие не смогло затуманить ясность его разума, которым он дорожил больше своего физического здоровья.

— Спасибо, мой верный друг... — с грустной признательностью улыбнулся мне Зигмунд и снова впал в задумчивость.

— Когда только появились первые признаки болезни, я спросил специалиста, каков его прогноз на дальнейшее развитие опухоли, на что тот ответил: «Никто не может жить вечно...» Он убедил меня, что операция будет легкой. Но если бы я знал правду о диагнозе с самого начала, если бы я мог предвидеть, что меня ждет в течение последующих долгих лет, то я бы решился на этот шаг гораздо раньше... чтобы уйти достойно...

— Зигмунд, я не очень понимаю Вас... О чем это Вы? — встревожился я от такого признания.

— По моей настоятельной просьбе доктор Шур сделал мне две инъекции морфия за последние сутки... Мой организм смертельно ослаб... И третьей инъекции он не выдержит...

— Зигмунд, прошу Вас... — догадавшись о его замысле, взмолился я.

— Я не вправе более быть обузой моим дорогим и любимым людям... — решительно заявил

Фрейд, приподнявшись в кресле. По его искаженному мукой лицу было заметно, с каким невероятным усилием давалось ему каждое движение.

— Вам известно, с какой болью я отношусь к потере возможности практиковать и трудиться... Но еще большую боль мне приносят страдания моих близких, которые им причиняет мое состояние. Я вижу страдания родных мне людей, которые мужественно пытаются их скрыть из-за любви и уважения ко мне... И все, что я прошу... — Зигмунд проникновенно взглянул на меня, — это понимания близких... и возможности дать мне достойно уйти...

Я опустил глаза, горестно осозная, что ни у меня, ни у кого-либо другого нет ни моральных, ни этических прав осуждать или переубеждать этого великого человека, мучения которого перевешивали наш личный эгоизм держаться за него.

— Мне грех жаловаться на жизнь... — просветлев лицом, немного оживился Зигмунд и восторженно произнес: — Я дожил до таких лет, находя столь много теплой любви в своей семье, среди друзей... У меня была увлекательная, интригующая и полная невиданных до сих пор открытий работа... Это может показаться странным, но я никогда не считал себя ни ученым мужем, ни наблюдателем, ни экспериментатором и ни даже мыслителем... Я был темпераментным конкистадором... искателем приключений... со всем тем любопытством, смелостью и упорством, которые свойственны людям данного

типа... Я пустился в длительные поиски разгадки темной стороны человеческого сознания и долго пробыл в ожидании успеха в своем рискованном предприятии... и, возможно, я таки достиг этого успеха... Кто еще может похвастать столь многим?... Да, наверно, я не все успел сделать в этой жизни, что должен был... но боюсь, что теперь у меня не осталось на это времени...

Печально улыбнулся он и замолк. Я выжидательно замер, не проронив ни слова, уважительно и скорбно глядя на него.

— Доктор Джонс! — вдруг обратился он ко мне с официальной ноткой в голосе. — Вы знаете, как я всегда оберегал мою личную жизнь от чужих, не в меру любопытных глаз и ушей. Меня раздражали беспардонные и пошлые попытки всяких журналистов и так называемых поклонников моего труда влезть в мою жизнь с одной лишь целью — порываться в грязном белье и вынести оттуда хоть что-нибудь на обозрение жаждущей сенсаций публике. Я также всегда был против написания каких-либо биографических книг о себе. Все, что необходимо знать моим будущим последователям и противникам, я оставил в своих трудах... Только мои идеи, а не сам я или моя личная жизнь могут представлять интерес для мира... Возможно, моя скрытность помогла кому-то породить множество ложных толков и вымыслов обо мне... и даже мерзких предположений... Я оставляю это на их совести... Но вы — один из немногих моих учеников, кто оставался верным мне с момента нашего знакомства... не предавший и не отступившийся от меня, как это сделали многие... Я бесконечно

благодарен вам за вашу преданность ко мне и моему делу...

На глазах Зигмунда блеснули слезы, тронувшие меня до такой глубины души, что я и сам едва сдержался, растроганно сглотнув подобрывшийся к горлу ком.

— Честно признаться, я бы не очень хотел, чтобы писали какие-либо биографические книги о моей персоне... — без тени притворства или ложной скромности произнес он. — Но если кто и смог бы изложить правдивое воспоминание о моей жизни, так это вы.

Я посчитал корректным промолчать, зная, насколько эта тема была болезненна для моего учителя, и лишь благодарно поклонился. Зигмунд напутственно кивнул мне в ответ и, повернувшись к доктору Шуру, вежливо спросил:

— Можем ли мы покончить с этим делом сейчас?

— Да, — несколько волнуясь, ответил тот и открыл свой медицинский чемоданчик.

Зигмунд покорно закрыл глаза. Я тоже отвел взгляд в сторону, не в состоянии смотреть на то, как доктор Шур, стойко выполняя волю своего пациента, ввел ему последнюю, смертельную дозу морфия.

— Будучи далеким от религии человеком, я часто воображал сцены встреч и разговоров с Богом... — с долгожданным облегчением на лице, не открывая глаз, тихо признался учитель. — В основном мои обращения к Всевышнему состояли из моих упреков в том, что тот не дал мне лучших мозгов...

— Я не встречал людей с более живым и пронзительным умом, чем у Вас, — заверил я, подходя к его креслу и взяв его за руку.

Зигмунд благодарно сжал мою ладонь.

— Я не знаю, в чем бы я мог упрекнуть сейчас Бога... Мне не в чем его упрекнуть... Хотя я не думаю, что меня там что-либо вообще ждет... Разве что пустота и тишина...

В его слабеющем голосе слышалось глубокое сожаление, словно о чем-то безвозвратно упущенном.

— Удивительное совпадение... именно сегодня Йом-Киппур... еврейский день искупления... — промолвил он, и я заметил, как одинокая слеза скатилась с уголка его глаза и исчезла на щеке.

— Нам будет Вас не хватать, Зигмунд... Но я верю, что Вас ждет чувство безмерной радости и свободы... — прошептал я ему на прощание, поразившись этим последним, внезапно вырвавшимся словам, показавшимся мне в тот миг такими нужными и правдивыми в своей естественности, но столь не соотносящимися с моим жизненным воззрением.

На кончиках его губ блеснула улыбка. Его грудь высоко поднялась и медленно опустилась. Он погрузился в мирный сон. Его страдания кончились. Он покинул этот мир, как и жил, реалистом.

Странный визитер

— Как же я от всего этого устал! Каждый день одно и то же! И ради чего все это? В чем смысл? Ведь у меня есть все, о чем может мечтать любой мужчина... Мне сорок четыре года... У меня красивая жена... Трое детей... Просторный дом... Любимый «Бэнгли»... Я бы уже давно мог отстраниться от чужих капризов... от необходимости выслушивать эти бесконечные проблемы и раздавать желанные советы, как конфеты на Хэллоуин... Ты можешь себе представить?! Кира Найтли отказывается играть с Джудом Лоу!.. Хотя он утверждает обратное!.. А эти ночные звонки от Роберта Де Ниро! У него снова скверное настроение... Спрашивает, когда я в следующий раз буду в Лос-Анджелесе...

Дэвид сокрушенно помотал головой и печально посмотрел на свою ассистентку Шерил, с невозмутимым видом восседавшую за высоким столом в приемной и хладнокровно слушающую утреннюю исповедь своего босса. За четырнадцать лет совместной работы Дэвид так и не научился разгадывать по ее лишенному каких-либо эмоций лицу, то ли она глубоко сочувствует ему, то ли ей не менее глубоко наплевать на все его душевные излияния. Впрочем, Дэвид и сам лукавил. Будучи одним из самых востребованных и дорогих частных психотерапевтов на Харлей Стрит, он никогда не знал недостатка в клиентуре из звездных персон и аристократической публики, поэтому все его жалобы на тягости и усталость были в известной степени преувеличены и выдавали легкое самолюбование.

— Только за эту неделю я слышу это уже второй раз, — будто с неким укором иронично произнесла Шерил.

— Правда? — искренне изумился Дэвид. — Ты только подумай... Может, мне стоит отдохнуть? — он озадаченно взглянул на помощницу.

Та безразлично пожала плечами.

— Недели на две... На какие-нибудь острова... В Индийском океане... — мечтательно задумался он. — Сейшелы, например! У детей как раз скоро весенние каникулы! — с энтузиазмом озвучил он потенциальный выбор и, получив одобрительную улыбку Шерил, принял серьезный вид и настроился на рабочий лад.

— Хорошо! Кто у нас там сегодня?

Отклонившись вбок, он посмотрел через открытую дверь своего кабинета и несколько обомлел, обнаружив у себя странного посетителя. Это был старик с седой, короткой, но очень ухоженной бородой и в старомодных круглых очках. Не замечая Дэвида, он по-детски скукожился на стуле и что-то разглядывал впереди себя на полу.

— А это что еще за Зигмунд Фрейд? — вполголоса насмешливо спросил Дэвид у Шерил, налегая грудью на декоративную стенку стола. С игривой улыбкой на лице та протянула ему заполненную анкету.

— Ты меня пугаешь своим загадочным видом, — шутливо предупредил Дэвид, недоуменно нахмурившись, но тут же остолбенел, прочитав лицевую сторону анкеты.

— Зигмунд Фрейд?! Восемьдесят три года?!. Это что, шутка?!.